

Жак Поволоцкий, или Похождения парижского издателя и маршана искусством родом из Одессы

Беседа продавца книг, издателя Николая Акёбар Девиня
и журналиста Виталия Амурского

Улица Бонапарта, 13, – знаковое место русской культуры в Париже. В двадцатые-тридцатые годы прошлого столетия здесь располагался книжный магазин издателя Якова Поволоцкого. В нем можно было приобрести, скажем, выпущенные Поволоцким «Гаврилиаду» Пушкина и «Исповедь хулигана» Есенина, сборники рассказов Короленко, Гаршина, заработавший в России в первом десятилетии минувшего века скандальную репутацию «порнографического» роман Арцыбашева «Санин», увидеть рядом на прилавке воспоминания Керенского и беллетризованную биографию «Ленин» Марка Алданова, книги о Гражданской войне в России и о чекистах, книги русских авторов, оказавшихся изгнанниками, вглядывающихся в недавний вчерашний день и в день новый, – «Наша маленькая жизнь» Дон-Аминадо, «Там, где была Россия» Якова Цвибака, книги для детей эмигрантов – дабы знали и помнили родной язык, сохраняли в себе дух отечества... Было в книжном магазине Поволоцкого немало разных, подчас предназначенных исключительно для специалистов публикаций, связанных с историей, наукой, актуальными социальными и политическими проблемами, скажем: «Терроризм и коммунизм» Каутского, «Хирургические упражнения на животных» проф. Вс. Новикова, «Денежная реформа в Советской России» Е. Гордона... Знакомься с тем, что успел выпустить тогда во Франции Поволоцкий – а это десятки авторов и десятки наименований по-русски и по-французски, – оказываешься в положении, когда очень трудно, а может быть, даже невозможно определить линию его издательских интересов. Не получив же никакого очевидного ответа, начинаешь думать о том, что очевидных, продиктован-

Так выглядела парижская улица Бонапарта (rue Bonaparte) в начале XX века

ных политическими или иными пристрастиями интересов у него не было вовсе – руководствовался же он, по всей вероятности, лишь прибылью от своего дела. Однако утверждать подобное со всей категоричностью все-таки нельзя, особенно при знакомстве с теми изданиями, которые вряд ли могли принести ему несомненные доходы. В самом деле, мог ли думать он о подобном, публикуя, скажем, «Анабазис» С.-Ж. Перса в переводе с французского Г. Адамовича и Г. Иванова? Скорее всего, нет. И сборник стихов относительно малоизвестного француза-символиста Александра Мерсеро «Серафима» («Séraphima» d'Alexandre Mercereau) во французском оригинале не мог априори обеспечить финансовый интерес издателю. Следовательно, было все-таки нечто, что подсказывало Поволоцкому: это дело, или, вернее, игра стоит свеч... Что именно?

Можно предположить, что озабоченный сбытом публикуемого (в книжном магазине на улице Бонапарта, 13, были, разумеется, не только собственные издания), Поволоцкий руководствовался соображениями: нет правил без исключений. Так,

Яков Поволоцкий. Фотография из архива парижской префектуры на его запросе о виде на жительство во Франции, датированном 1921 годом

можно предположить: француз С.-Ж. Перс в соседстве с именами двух замечательных фигур русской литературы в эмиграции представлял собой для него интерес особый – ничего похожего в современной русской поэзии не издавалось; Мерсеро как поэт, возможно, обратил на себя внимание Поволоцкого, прежде всего, тем, был хорошо знаком ему и многим в русском читающем мире еще по работе в «Золотом руне» – служивший некоторое время переводчиком в этом роскошном российском журнале, который финансировал не знавший пределов в тратах промышленник Н. Рябушинский. За Мерсеро, печатав-

шимся, в основном, под псевдонимом Эсмер-Вальдор, с одной стороны, тянулся шлейф легенд (об одной из них – его женитьбе на русской барышне – оставил свидетельство в книге «Люди, годы, жизнь» И. Эренбург*), с другой стороны, Мерсеро мог оказать неплохую редакторскую поддержку и дать самому Поволоцкому полезные советы...

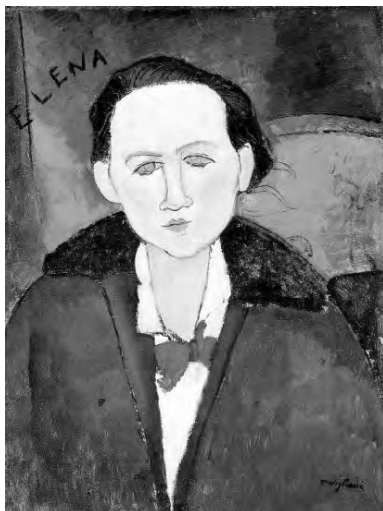
Понятное дело, все это не более чем размышления – никаких конкретных свидетельств о том, чем реально руководствовался в том или ином случае Поволоцкий, не сохранилось, или, во всяком случае, до нас не дошло. Нет сомнений, притом, что, издавая книги по искусству, даже если их было не так много в сравнении с изданиями сугубо текстовыми, он работал с самыми интересными мастерами, полностью доверял их вкусам. Но в данном случае – в этом тоже не приходится сомневаться – главным его консультан-

* Илья Эренбург. Люди, годы, жизнь. – М.: «Советский писатель», 1990. Том 1, с. 136-137.

том выступала его жена Элен Поволоцки (русифицировать фамилию этой француженки, то есть писать «Поволоцкая», по-моему, смысла не имеет).

Касаясь книг по искусству, следует отметить: они выходили без указания издательства «Поволоцкий и К°», но с сохранением адреса: 13, rue Bonaparte, Paris. На обложке и титульном листе было напечатано по-французски: «Edition La Cible», или по-русски: «Книгоизд. «Мишень». Именно под маркой «La Cible» была издана в 1920 году Поволоцким поэма Блока «Двенадцать» в переводе на французский язык С. Ромова, иллюстрированная М. Ларионовым,

в том же году на французском языке появился сборник стихов В. Парнаха «Словосдвиг» («Motdynamo»), обложку к которому и семь иллюстраций сделал тот же Ларионов, и восемь иллюстраций – Н. Гончарова. Творческий дуэт Ларионов – Гончарова еще раньше, в 1919 году, был представлен большим альбомом, выпущенным Поволоцким под маркой «Edition La Cible». Правда, там был указан предыдущий адрес магазина Поволоцкого: 9, rue de l'Érebon. Попутно можно сообщить: перебравшись на улицу Бонапарта, Поволоцкий оставил часть своего дела работавшему у него М. Каплану, и многие годы затем тот успешно занимался собственными издательскими делами, хотя и не с таким большим размахом, в основном же торговал русской и иностранной литературой (специализируясь по русской и советской тематике) в магазине «Дом книги» / «Maison du livre étranger». Это же название, кстати, фигурировало на его собственных изданиях.**

Портрет Элен Поволоцки,
выполненный Амедео Модильяни в 1917 г.
Частная коллекция, США

** См. Д. Гузевич. Парижский Дом книги (Михаил Каплан). Русское еврейство в зарубежье. Том 4 (9). – Иерусалим, 2002.

«La Cible»/«Мишень» являлось своего рода издательством в издательстве. Название соответствовало созданной при книжном магазине галерее, и оно, в свою очередь, было дано в честь выставки, устроенной в 1913 году в Москве, – там и тогда Ларионов и Гончарова, демонстративно отмежевавшись от группы «Бубновый валет» (как до того отмежевались от части соратников по «Ослиному хвосту»), впервые выступили со своими произведениями в манере лучизма. Обосновавшись же в 1919 году окончательно в Париже, нашли в лице супружеской пары Поволоцких не только своих поклонников, но и друзей.

Элен Поволоцки сама была художница, яркого следа на поприще живописца или графики не оставившая, но в том, что она имела немало интересных друзей и связей в мире художников, сомневаться не приходится. Достаточно сказать, что один из ее портретов в 1917 году написал Амедео Модильяни, а другой – в 1930 году – Жозеф Сима (Йозеф Шима). Очень возможно, что именно по рекомендации жены Элен Поволоцкий в 1922 году издал книгу, посвященную творчеству другого большого чешского мастера – Франтишека Купки...

Прошли годы, довоенный Париж со многими его удивительными людьми, с его книжными магазинами и галереями исчез, лишь зная и помня отдельные имена и адреса, можно сейчас пройтись, посмотреть на стены и окна домов, где была тогда мало похожая на сегодняшнюю жизнь. Вот и я, проходя не один раз по улице Бонапарта, вблизи дома 13 вспоминал имя Поволоцкого. Но относительно недавно, уже в нынешнем 2017 году, вдруг увидел вывеску «Artbiblio», и за стеклом витрины разложенные старые его книги... Выяснилось, что расположившийся там несколькими месяцами ранее новый хозяин Николя Акёбар Девинь (Nicolas Hacquibart Desvignes) решил не только возобновить жизнь в стенах столь богатого историей помещения, но отметить при этом память Поволоцкого и его жены. Не только их, впрочем. Одновременно он решил почтить и память парижского маршана авангардного искусства Пьера Лоба (Pierre Loeb), отведя ему зал на втором этаже...

При всем глубоком уважении и несомненном интересе к этой части выставки во время встречи с Николя, договорившись с ним об этом интервью, я все же решил сосредоточиться на теме «Поволоцкий»...

Афиша магазина-галереи Я. Поволоцкого в Париже в доме № 13 на улице Бонапарта, выполненная Натальей Гончаровой (ориентировочно) в 1921 году

* * *

– Николая, первым делом, пожалуйста, несколько слов о себе и о том, каким образом вы обосновались в столь интересном месте.

– Семнадцать лет активно присутствуя на рынке библиофилии, я создал «Артбиблио» в 2004 году, а свой магазин-галерею и издательский дом в Сен-Жермен-де-Пре* в сентябре 2016-го. Обосновавшись по адресу, где в 70-е годы прошлого столетия находилась галерея африканского искусства и искусства Океании, предпринял поиски истории дома № 13 на улице Бонапарта. Именно так открыл я для себя столь богатое прошлое двух маршанов авангардного искусства, которые занимали это место в начале XX века, Жака Поволоцкого** и Пьера Лоба. На сегодняшний день мы занимаем первую галерею искусства Пьера Лоба, который в 1924 году организовал тут первую выставку Хуана Миро, а затем первый показ художников-сюрреалистов (Джорджо де Чирико, Макса Эрнста, Пауля Клее, Андре Массона, Пабло Пикассо...). По этому же адресу, но рядом, Поволоцкий начал свою деятельность как книгоиздатель и маршан произведениями искусства.

– Да, судя по одной из старых фотографий, коммерческая вывеска и витрина магазина-галереи Поволоцкого располагались в той части дома, которая углом выходит на улицу Изящных искусств (rue des Beaux-Arts), где сейчас бюро по продаже недвижимости... Что ж, время проходит, но стены эти напоминают о прошлом... Яков (Якоб) Поволоцкий (наст.: Бендерский) родился в Одессе 1 ноября 1881 года. Учился в Киевском университете, затем поехал в Берлин, где, как указывается в библиографическом словаре «Российское зарубежье во Франции. 1919-2000»,* готовил себя к карьере музыканта и дирижера, а в 1908 году оказался во Франции, где попросил предоставить ему политическое убежище. В мае следующего года он женился на француженке из Реймса Элен-Жозефине Бернье, которая значилась по документам**

* Квартал в 6-м округе Парижа, где находится улица Бонапарта.

** Жак – французская версия русского имени Яков.

*** «Российское зарубежье во Франции. 1919-2000». – М.: «Наука», Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. Том 2, с. 460.

как художница. Во время первой мировой войны Яков стал добровольцем французской армии: с 12 мая 1915 года до 17 мая 1919 года был в ее рядах. Как и вы, Николая, я просматривал в архиве полиции его досье, знакомясь с которым, мог убедиться, что фигура Поволоцкого не ускользала от внимания властей и вместе с тем оставляла у них немало вопросов... Несомненно, жизнь его была отнюдь не ординарная, наполнена различными событиями, связями... Вы занимались этими вопросами вплотную. Что, на ваш взгляд, было в этот период самое значительное для Поволоцкого?

Николя Акёбар Девинь. © Artbiblio

– Еврей по культуре, Жак Поволоцкий принадлежал к той волне эмигрантов, которая бежала от погромов, уничтожавших ее общину в Одессе и Киеве. Что бы ни говорилось в сохранившемся во французских архивах полицейском рапорте, я не думаю, будто он хотел когда-либо стать музыкантом или дирижером. Насколько мне известно, даже если он, возможно, обладал большой музыкальной культурой, музыкантом он не был; к тому же, он никогда не опубликовал ни одной книги, касающейся музыки. По моему мнению, речь шла скорее о том, чтобы выглядеть наиболее убедительно перед французской администрацией. Как я писал в своей книге «13, улица Бонапарта», **** – самый лучший подарок, преподнесенный Жаку Поволоцкому жизнью, явилась встреча с Элен, которая помогла ему, утратившему связь со своей

**** Nicolas Hacquebart Desvignes, Albert et Sonia Loeb «13, rue Bonaparte». Ed. Artbiblio, Paris, 2017.

почвой, посвятить себя литературной и художественной карьере. В тридцатилетнем возрасте, в декабре 1911 года, он начал с того, что приобрел в Париже бывший книжный магазин в доме № 9 на улице Шпоры (9, rue de l'Éperon). Эти два события, думается мне, явились закваской в его необыкновенной персональной истории. Нашим читателям также нужно сказать, что супружеская пара, которую составили Элен и Жак, явилась единой, потому что такими были общность их духа и мыслей. Вместе вступят они во французскую армию, в которой получают назначение оказывать скорую медицинскую помощь русским, доставленным с фронта в тыл...

– Еще до первой мировой войны, о которой вы в данном случае вспомнили, даже до знакомства с Элен, значительную часть своей жизни Поволоцкий посвятил тому, чтобы французы лучше знали русскую культуру. Симметрично он стремился к тому, чтобы и русский читатель имел хорошее представление о французской литературе. Как вы могли бы в целом оценить его издательскую деятельность? Что, на ваш взгляд, ему удалось, что нет?

– С более чем ста двадцатью четырьмя опубликованными книгами, как по-русски, так и по-французски, между 1912 и 1938 годом, при таком разнообразии, как проза, поэзия, наука, история или политика, издательство Жака Поволоцкого заняло в свое время ведущее место на рынке публикаций на славянских языках во Франции. Его профессиональная сеть давала ему возможность распространять свои публикации за французскими границами – например, в Германии и России. Вы правы, отмечая в стратегии издателя франко-русскую обоюдность, так как уже с 1912 года он создал амбициозную по замыслу «Библиотеку иностранных писателей»*. Впрочем, наш предшественник давал работу многим печатникам из русской эмиграции, где в первом ряду были Вольф Шалит и Дмитрий Снегаров, руководившие типографией «Юнион». Под названием Editions d'art La Cible et Editions J. Povolozky & Cie

* Формальное наименование данной серии книг: «Полная библиотека иностранных авторов», в которую, к примеру, вошли произведения А. Франса, П. Лоти, А. Доде, Э. Золя и др. Выпускались Я. Поволоцким также серии книг: «Bibliothèque des chef-d'œuvre russe» («Библиотека русских шедевров»), «Библиотека новейших писателей» и ряд других.

издательская работа Жака Поволоцкого значительна, представляет собой важное наследие русской диаспоры во Франции в первой половине XX века. Об этом свидетельствует аккуратность публикаций его библиофильских книг, как, например, «Современное театральное декоративное искусство» (1919) Валентина Парнаха, иллюстрированная Гончаровой и Ларионовым. Также нельзя упустить из виду его роль издателя авангарда, который опубликовал первые монографии четырех художников: Франсиса Пикабиа, Андре Лота, Франтишека Купки и Раймона Дюшан-Вийона.

– Хотя информация, которой мы располагаем о жизни и трудах Поволоцкого, далеко не такая полная, как хотелось бы, еще меньше мы знаем об Элен Поволоцки – художнице...

– В самом деле, вы указываете на большую сложность для меня как историка по образованию, я имею в виду архивные источники. В случае Жака Поволоцкого, который погиб, не оставив признанного наследства, его коммерческие и личные архивы не были найдены, что весьма усложняет исследование, касающееся его жизни и деятельности. Мы чудом нашли личное досье его и его жены в полицейских архивах парижской префектуры. К открытию нашего магазина-галереи я опубликовал всю эту информацию в своей книге, которую я уже упомянул. Если портрет Элен Поволоцки, выполненный Амедео Модильяни в 1917 году, нам известен, – личная жизнь этой женщины, этой художницы, ставшей маршаном искусства, действительно остается мало документированной.

– Однажды впоследствии получивший известность как писатель и художник Сергей Шаршун, который подрабатывал у Поволоцкого курьером, в свободное время занимаясь собственным искусством, известил друзей по группе Дада: «Приглашаем вас принять участие в похоронах Кубизма, чьи останки будут выставлены в церкви Св. Мишени (13 rue Bonaparte)». Церемония намечалась на 11-12 января 1921 года. Собрание**

** Л. Ливак, «Героические времена молодой зарубежной поэзии». Литературный авангард русского Парижа (1920-1926). Альманах «Диаспора» VII. – Изд.

это, кажется, не состоялось, однако сам факт такой инициативы показал, что помещение Поволоцкого рассматривалось дадаистами как вполне подходящее для них. Какие реально отношения существовали между различными художниками и Поволоцкими? Кто входил в круг их постоянных контактов? Или таких постоянных контактов не было – все зависело от меняющихся тенденций?

– Другая сторона деятельности Поволоцких – их галерея искусства (галерея «Мишень», а потом «Галерея Поволоцки»), управление которой было в руках Элен. Хотя они открыли свою галерею в 1919 году одновременно с книжным магазином-галереей, официальная инаугурация состоялась 10 декабря 1920 года с выставкой работ дадаиста Франсиса Пикабиа. Этот светский вечер, в котором приняли участие поэт Жан Кокто, музыкант Жорж Орик и глава движения Дада в Париже Тристан Тцара, который в этой связи продекларировал свой манифест «О любви слабой и любви злобной», – оказался незабываемым. В период, когда такой художественный авангард собирается у Поволоцких, наступают исторические перемены, поскольку дадаисты пожелали похоронить кубизм и взять на себя первенство в художественном авангарде, выдвигая Франсиса Пикабиа. Но теоретические и личные разногласия довольно быстро проявились между этим художником и движением Дада... Поскольку же среди дадаистов нередко случались различные скандалы, я не знаю, собирались ли они вновь у Поволоцкого в 1921 году, или слова, которые приписывают Шаршуну, были всего лишь рекламным сообщением.

– Эпизод, о котором вы напомнили, был типичен для мира творческой богемы, хотя, конечно же, никаких скандальных историй Поволоцкие сами не приветствовали, стараясь сохранить репутацию вполне добропорядочных маршанов. В 20-30-е годы Якову Поволоцкому, кажется, удалось прочно стать на ноги, укрепить свое финансовое положение. В упомянутом уже библиографическом словаре есть, между прочим, указание на то, что он материально

Athenaeum – «Феникс», Париж – Санкт-Петербург, 2005, с. 141.

помогал Одесскому землячеству во Франции. Вам удалось что-либо выяснить об этом?

– Как я уже сказал, между двумя мировыми войнами мой предшественник обладал большой аурой на франко-русском издательском рынке – аурой и профессиональной, и персональной; с течением времени его клиентура расширялась и становилась все более разнообразной. Его адрес: дом 13 на улице Бонапарта – стал весьма известен в Париже и не только. В определенной мере он стал модным местом для проведения культурных встреч русской эмиграции во Франции. Не следует забывать, что в ту эпоху – это далеко не так теперь – ассимиляция иностранцев во французское общество не была делом простым, включая «белых русских», которые бежали от революции. Тем не менее, на мой взгляд, то, что укрепило его репутацию, – это художественная деятельность в галерее. Представьте себе, что меньше чем за десять лет этот маршан провел у себя первые персональные выставки Пинхуса Кременя (1919), фотографа Петра Шумова, Франтишека Купки (1921), Бориса Григорьева (1921), Ханы Орловой (1922) и Йозефа Шима (1928)... В то время эти молодые таланты были еще неизвестными и притягивали своей новизной. За одно десятилетие Жак Поволоцкий выдвинулся среди лучших маршанов на рынке арт-модерн – рядом с такими фигурами, как Бернхайм, Розенберг и Зборовский. В таком качестве маршана наш предшественник участвовал во многих обществах, ассоциациях и разных комитетах. Однако я не знаю ничего особенного о его помощи французской общине из Одессы.

– Издательская деятельность Поволоцкого, его деятельность как распространителя печатных изданий (собственных и других издателей), деятельность активного участника различных художественных акций (выставок, дискуссий и пр.) носила открытый характер, однако – вернусь к тому, о чем я уже упомянул, – при знакомстве с его досье в архиве полиции нельзя не обратить внимание на то, что полиция проявляла к нему особый интерес, настороженность. То он проявлял себя как антицарист, то как антибольшевик...

То его можно было увидеть с анархистами, то со сторонника-ми советского режима...

– Жак Поволоцкий находился под пристальной слежкой французской полиции из-за своих связей с анархистом Виктором Сержем, которого он взял к себе на работу в качестве переводчика и корректора до первой мировой войны. Правда, что и ветер художественной и интеллектуальной свободы, который дул в среде парижского творческого авангарда между двумя войнами, озачивал власти. Находившиеся на обочине общества, эти художники не вписывались в рамки французских буржуазных устоев и морали той эпохи. Что касается лиц, с которыми он общался, то в данном случае их общество соответствовало обществу значительного маршана, который действует, прежде всего, в интересах своего предприятия. Он был вхож в различные круги – в равной мере в высшее общество, которое коллекционирует произведения искусства, и в окружение, связанное с советским посольством, которому он поставлял газеты и журналы. Несомненно, Жак Поволоцкий был человек влиятельный, умеющий принимать решения, участвовавший в трансформации своей профессиональной и социальной среды.

– В годы фашистской оккупации Франции Поволоцкий с женой покинули Париж. Вам удалось выяснить, где и как они пережили эти военные годы?

– В самом конце тридцатых годов дела идут неважно, Европа переживает экономический спад. Жак Поволоцкий покидает столицу в 1939 году, находит убежище в Нормандии, а через год немецкая оккупация заставляет его бежать в сторону «свободной зоны». * В деревушке департамента Крез за работу по домашнему хозяйству ему дает приют священник. Кажется, Элен в это изгнание с ним не отправилась. По свидетельству, которое я недавно получил от жителя этой деревни – сегодня это уже очень старый человек, – кажется, что Поволоцкий, которому тогда было 60 лет, вошел в ряды местного Сопротивления против немцев.

* С момента падения Парижа в мае 1940 года германские войска оккупировали часть страны. Та, что находилась южнее Луары, до ноября 1942 года считалась «свободной зоной».

Эпилог этой жизни, посвященной культуре, к сожалению, печален: 21 декабря 1945 года, вернувшись в Париж, на бульваре Сен-Жермен он попал под машину и, доставленный в госпиталь Валь-де-Грас, не приходя в сознание, скончался там 25 декабря.

К счастью, сегодня остается память об издателе и маршане искусства, человеке большой культуры, служившем делу русской эмиграции вне социальных, культурных и политических разногласий.

* * *

Разумеется, при всем желании коснуться различных аспектов жизни и деятельности Якова Поволоцкого во Франции, многое осталось за пределами и моего вступления, и этой беседы с Николая Акёбар Девинем. Скажем, тут не был затронут такой интересный вопрос, как участие Поволоцкого в масонских ложах в Париже – «Фивы» и «Северная звезда», были названы далеко не все те, с кем он имел дружеские и деловые связи, и пр. Главной причиной тому, видимо, следует считать отсутствие достаточных документально подтвержденных сведений об этом несомненно неординарном человеке. Над поиском их, впрочем, как над «i», точка не поставлена.

Париж, февраль 2017 г.

